

Откат демократии означает установление контроля над прессой

Вячеслав КОСТИКОВ, вице–президент холдинга "Медиа–мост"

Я думаю, что говорить о проблемах сегодняшней прессы и совершенно отвлечься от политики было бы неверно. В последние дни мне приходилось встречаться с достаточно большим кругом главных редакторов, и общее настроение такое: от глубокой паники к умеренному скептицизму. Но преобладают настроения глубокого шока и глубоких опасений.

Я не думаю, что открою какую–то истину, если скажу, что что мы наблюдаем серьезный откат демократии. Весь вопрос в том, как далеко мы отступим и с чего нам придется начинать. Придется ли нам начинать с самого начала или мы сохраним с таким трудом накопленный, достаточно противоречивый, конечно, капитал свободной прессы. Думаю, что откат будет достаточно серьезный. И связано это не с тем, что мы получили новое правительство, в котором весьма ощутимо присутствует то, что называют левоцентризмом. Мы понимаем, что речь идет о достаточно сильном приливе красного цвета, который мы наблюдаем сейчас в правительстве, и который, я боюсь, мы скоро сможем ощутить и в прессе. Я не думаю, что нас ждет возвращение цензуры в том страшном гослитовском виде, в каком ее знает мое поколение, но тем не менее какие–то элементы контроля будут. Этот контроль, наверное, будет носить достаточно завуалированную форму.

Мы уже слышали заявление правительства о том, что информации со стороны правительства будет меньше. Дай Бог, если это временное явление. Евгений Максимович Примаков – человек умеренный, разумный, бывший журналист и, безусловно, понимает, что закручивание гаек в сфере свободной прессы ведет к меньшему пониманию в правительственной сфере того, что происходит в обществе.

Я думаю, что он этот процесс сможет в разумной степени контролировать.

Откат, который неминуем, связан будет не столько с "покраснением" правительства, неразговорчивостью номенклатурных чиновников, которые пришли на крупные государственные посты, сколько прежде всего с общим отступлением демократии. Хотим мы это признавать или не хотим, все мы находимся в драматической ситуации потери иллюзий. Я помню, как мы молились на наших демократических богов, и многие из нас сохраняют преданность демократии. Но все мы стоим перед реальностью, мы видим, в каком состоянии находится страна, и не говорить о вине лидеров демократии в этой связи мы тоже не можем.

Единственное, о чем мне хотелось бы сказать в этом плане, это о том, что, конечно, сейчас, когда консервативное крыло правительства получит большой доступ к СМИ, на демократию обрушится шквал критики. И, думаю, совершенно не случайно именно сейчас снова поднимают дело Собчака. Есть основания полагать, что это начало серьезного наступления на политические авторитеты, с которыми росла и крепла демократия. Беда в том, что российское население находится в состоянии глубокой демократической депрессии. И самое печальное, что депрессия демократии – это надолго. Думаю, что нам придется ждать демократического подъема не один год. Может быть, на это уйдет десятилетие двадцать первого века.

Сейчас нас ждет совершенно безудержное шельмование демократов. Но никто не сможет отрицать, что, сколько бы коммунистов ни пришло в правительство или в будущий парламент, есть границы возможного отступления. Все сходятся на том, что все–таки будут продолжаться реформы. Я думаю, что это не просто лукавые слова, не просто попытка успокоить Запад, демократическую общественность. Если говорить о завоеваниях последних десяти лет, то, наверное, это и есть самое большое завоевание – то, что даже коммунисты поняли, что реформы вне рыночных отношений в России невозможны. И как раз с этим, на мой взгляд, связан и умеренный оптимизм в отношении будущего нашей прессы.